

Галина Полынская

Озеро затерянных
миров

12+

Галина Полынская
Озеро затерянных миров
Серия «Волшебное фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63753987

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98923-8

Аннотация

Обыкновенная школьница попадает в волшебную страну Зарабию, где, как оказалось, живут её родственники. Ссора с ними нарушает гармонию таинственного мира, происходит страшный катаклизм – содержимое Чаши Зла выплёскивается наружу. Зарабия обречена, и спасти её может только тот, кто добудет пять солнечных камней в других волшебных мирах, путь к которым лежит через магическое озеро.

Содержание

Глава первая. Бабушка Моды	4
Глава вторая. Солнечный камень	18
Глава третья. Дверь в Зарабию	27
Глава четвертая. Ветуловая роща	33
Глава пятая. Фабрика ветулового пана	41
Глава шестая. Ночь, утро, день	50
Глава седьмая. Тирамиса Яра	57
Глава восьмая. Зарабийская родня	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Галина Польшинская

Озеро затерянных миров

Глава первая. Бабушка Моди

В дверном замке шевельнулся ключ. Кот, дремавший на подоконнике в широком солнечном луче, приподнял голову и насторожил чуткие уши. Бабушка, сидевшая в кресле за низеньким круглым столиком, покрытым бархатной зеленой скатертью с черными кистями, подняла взгляд от карточного пасьянса.

– Мира, это ты?

– Я, бабуль, – донеслось из прихожей. – Ба, только сразу не падай.

– Что еще за сюрпризы? – Бабушка раздумывала, куда положить пиковую даму.

В комнату вошла тоненькая девочка в ярко-зеленых шортах и короткой белой маечке-топике.

– Что ты наделало, маленькое чудовище? – вздохнула бабушка, укладывая даму к трефовому тузу. – Ты обрезала свои чудесные косы!

– Ну, бабулечка. – Мира примостилась на подлокотник кресла, – они так мне надоели, да и жарко от них!

С подоконника прыгнул кот и подошел к девочке, чтобы рассмотреть её поближе.

– Это большая потеря, – покачала головой бабушка. – У тебя были такие роскошные волосы, цвет истинно тициановский...

– Цвет этот, бабуль, рыжим называется, – буркнула Мира, поднимая с пола кота и усаживая его к себе на колени. Плоский черный носик гималайского котяры принялся обнюхивать короткие медные кудряшки. – Зато теперь легко, удобно...

– Теперь ты похожа на мальчишку. – Бабушка положила трефового короля поверх пиковой дамы. – Женственность и красота юной леди в её чудесных волосах.

– Ба, – сморщила нос Мира, – ты в каком веке живешь? Да и не похожа я со своими волосами на Миру, я должна быть брюнеткой с сиреневыми глазами.

– Это правильно в любом веке. Имя не обязательно должно отражать внешность. Главное, чтобы оно гармонировало с внутренней сутью.

– В таком случае я – кактус!

– Это точно. – Бабушка принялась собирать карты со стола. – Ничего не получается.

Кот прыгнул на пол и, помахивая пушистым хвостом, направился обратно к подоконнику.

– Бабуль, есть чего-нибудь перекусить?

– Иди в столовую, сейчас принесу.

Бабушка Модя поднялась из кресла и, шелестя по кле-новому паркету полами чёрного шёлкового халата, больше похожего на вечернее платье, удалилась в сторону кухни. Ее высокая, по-девичьи стройная фигура замерла на пороге. Модя оглянулась, чтобы посмотреть, ушла ли внучка из комнаты, поправила белоснежные, чуть отливающие голубизной кудри, уложенные в безупречную причёску, и произнесла тихонько:

– Ром.

В кухне она встала у окна, скрестив руки на груди, и снова повторила:

– Ром! Где ты, несносный мальчишка?

– Здесь я, – зевнул голос, и в воздухе возник прозрачный, легкий, как южный ветерок, образ лохматого, сонного паренька.

– Сколько можно спать? – недовольно произнесла Модя, глядя на парящую над кухонным столом щуплую фигуру в длинной рубахе-балахоне.

– Я всю ночь прибирался, – Ром попытался подавить зевок, – работал, как сто тысяч людей.

– Сколько раз тебе говорить – не преувеличивай, – вздохнула Модя. – Готов ли обед?

– Булочки в духовке, суп и овощное рагу на плите, а ваш спаржевый салат на столе под салфеткой.

– Хорошо.

– Я пойду дальше спать?

– Иди.

Образ стал растворяться.

– ...а то устал, как миллион водовозных лошадей, – донеслось из воздуха.

Моди открыла крышку кастрюли и принялась: томатный суп с базиликом. Наполнив супницу, положив на блюдо горячие пышные булочки из духовки, Моди поставила всё на поднос и понесла в столовую. Внучка уже достала из буфета приборы, тарелки и расставила на столе, покрытом кружевной кремовой скатертью. На полу столовой подрагивали яркие солнечные квадраты, размеренно тикали часы с маятником, на светлых стенах висели натюрморты в овальных рамах. Пахло фиалками. Подоконники столовой были уставлены одинаковыми белыми горшочками, в которых круглогорично цвели фиалковые шапки: голубые, сиреневые, лиловые, белоснежные и даже пестрые.

Вошла бабушка. Она поставила поднос на стол и подняла крышку супницы, а Мира сдернула салфетку с блюда.

– О, бабуля, твои коронные булочки! М-м-м! Обожаю.

Пока девочка ела, Моди поливала фиалки. За окнами зеленела узенькая лужайка, позади которой возвышался добротный двухметровый забор, скрывающий дом от посторонних глаз.

– Спасибо, бабуль.

– Второе будешь?

– Нет, так натрескалась, сейчас лопну!

– Как ты выражаешься, – поморщилась Модя, осторожно приподнимая темные листья, чтобы узенький носик лейки добрался до земли.

– Бабусь, ну какая ты у меня старорежимная...

– Это слово мне тоже не нравится!

Мира взяла с блюда последнюю булочку, предпочитая не спорить с бабушкой.

Закончив с цветами, Модя присела за стол напротив внучки, наблюдая прозрачными голубыми глазами, как та хрустит булкой. Ее белое, как у мраморной статуи лицо ничего не выражало. На высоком «королевском» лбе не было ни единой морщинки.

– Ба, ну что ты на меня так смотришь? Неужели мне совсем не идет? – Мира потрянула рыжими кудряшками.

– Я не об этом, с твоим поступком я уже смирилась, – подперев ладонью подбородок, Модя задумчиво смотрела на внучку.

– А чего тогда ты смотришь, как-то... не по-человечески?

– Надо мне кое-что рассказать тебе, но не уверена, что ты достаточно взрослая.

– Вот те на! – криво усмехнулась девочка. – Мне скоро тринадцать стукнет, старость, можно сказать, на носу, а ты всё не уверена.

Бледно-розовые губы Модя тронула легкая улыбка.

– Если бы не подходило мое время, конечно же, я повредила бы, но... что поделать.

– Бабуль, ты о чем? – забеспокоилась Мира. – Какое такое время подходит? В чём дело?

Моди молча достала из буфета бутылочку кофейного ликера и маленькую серебряную рюмочку. С возрастающим беспокойством Мира наблюдала за бабушкой.

– Даже и не знаю, с чего начать.

Аккуратно, будто отмеривала микстуру, бабушка налила в рюмку ликер.

– Ну да ладно. Мира, не замечала ли ты, что мы некоторым образом отличаемся от других людей?

– О боже, бабуля! – Ярко-зеленые глаза Миры широко распахнулись. – Мы что, вампиры? И будем жить вечно?

– Что ты говоришь, в самом-то деле, – Моди чуть пригубила ликер. – Насмотришься этого ужасного телевидения, потом приходят на ум всякие глупости. Подумай хорошенько, найди отличия между собой и своими одноклассниками, товарищами по играм.

– Мои одноклассники поголовно – козлиные морды, – скривившись, выпалила Мира, – а товарищи по играм балбесы и дебилы, а дев...

– Мира! – хлопнула ладонью по столу Моди. Казалось, даже настенные часы притихли. – Как ты можешь так выражаться?!

– Бабуль, ну все так говорят.

– А если все побегут с крыши прыгать, ты тоже побежишь? Ты не должна равняться на всех, ты отвечаешь толь-

ко за собственные поступки! «Как все» не может служить оправданием, ты должна думать собственной головой!

– Ну я поняла, поняла...

– Итак, я задала тебе вопрос, жду на него ответ.

– Чем я отличаюсь от остальных? – Мира задумалась. – Меня девять раз из школы исключали, я уже думала в Книгу рекордов Гиннеса попаду...

– Не это, – спокойно прервала внучку Моды. – Другое.

– Не знаю, бабуль, – заныла Мира. – Ничего в голову не идет! Что во мне не так? Скажи сама.

– Ты предчувствуешь погоду и, если возьмешь в руку любой плод, сможешь определить, съедобен он или нет, а еще ты можешь приручать животных и птиц...

– Вау, круто! Я что, Маугли?

– Не перебивай, сделай милость. Ты способна прорастить зерно на своей ладони, лететь, подхваченная порывом ветра, и останавливать морские волны.

Приоткрыв чуть припухшие губы, Мира зачарованно слушала чистый бабушкин голос.

– Ты можешь понимать язык природы, – продолжала тем временем Моды, её лицо смягчилось, посветлело, – шепот песка, ворчание камней, ты добрым людям исцелишь любые раны.

– Бабуль, это какие-то стихи?

– Почти, – улыбнулась бабушка. – Это стихи о тебе. Ты никогда не спрашивала меня, где твои родители. Тебе это

интересно?

– Не очень.

– Почему же? – удивилась Моды, поднося к губам серебряную рюмочку.

– Они ни разу о себе не заявляли, я всю жизнь жила с тобой. Они же мной не интересовались, почему я должна интересоваться ими?

– Ты не права, детка, – качнула головой бабушка. – Так сложились обстоятельства. Родители твоего отца были против его женитьбы на твоей маме. Мы с дедушкой...

– У меня есть дедушка?

– Всё по порядку. Так вот, мы с дедушкой тоже не обрадовались. Но твои родители любили друг друга, и мы решили не мешать: пускай дети сами разбираются. В конце концов, наши с дедушкой родители тоже были против нашего брака, и ничего, мы всю жизнь прожили в любви и согласии, прекрасную дочь воспитали. Но твоя бабка по отцовской линии всё никак успокоиться не могла, козни строила, не жилось ей спокойно. А отец твой, тот еще, прости Господи, тютя, не мог поставить старуху на место. Ладно, обойду неприятные подробности. Когда жизнь у молодых совсем разладилась, мама как раз поняла, что носит под сердцем тебя. Я и забрала тогда вас обоих сюда, в этот дом. Ты здесь родилась. Маму твою звали Амабель, отца – Велор.

– Звали? Они умерли?

– Погоди, не перебивай. Мама твоя оказалась однолюб-

кой, никак не могла забыть своего Велора, вот и металась, пока совсем не исчезла.

– Это как? – затаила дыхание Мира.

– Когда душа мечется, разрывается, она всю жизнь из тела вытягивает. Тогда тело и исчезает, а сам человек или в дерево, или в ручей превращается.

– Я бабуль, ничего не понимаю, – честно призналась девочка.

– Со временем поймешь, – вздохнула Моды. – Главное – слушай и запоминай. Теперь, собственно, обо мне. Ты обращала внимание, что я никогда не сплю?

– А что в этом такого? Разве у других не так?

– У других не так. Ты же спишь по ночам.

– Я думала, что в твоём возрасте перестану...

Моды рассмеялась.

– Ты даже не представляешь, милая, сколько мне лет!

– Сорок?.. – попробовала угадать Мира.

– Ох, много больше! Но я предпочту сохранить свой возраст в тайне. Так вот, дитя моё, я засыпаю один раз в тринадцать лет, но зато на целый год. Только умоляю, не спрашивай, не медведь ли я!

– Медведи спят только зимой, – Мира недоверчиво смотрела на смеющуюся бабушку. – Ба, ты серьезно?

– Разумеется. Так вот, в течение всего года я не смогу о тебе заботиться, поэтому я приняла решение отправить тебя на это время к Велору, к твоему отцу.

– А как же Аксельбант?

– Кота возьмешь с собой, – пожала плечами Моды.

– Бабуль, я прямо в шоке. Мы, что ли, колдуны какие-то средневековые?

Моды отрицательно качнула головой.

– Ты расскажешь?

– Чуть позже. Я ещё не все свои тайны раскрыла.

– Что ещё? Я уже заранее боюсь.

– Дело в том, что я совершенно не умею готовить и за всю свою жизнь ни разу не прикоснулась к плите.

– А...

– И юной девушке неприлично так раскрывать рот, – Моды сделала замечание внучке и продолжала: – У нас есть слуга. Он и уборщик, и повар.

– Слуга? У нас? Здесь? Бабуль, ну это, по-моему, уже слишком.

– Чуть позже я тебя с ним познакомлю, сейчас этот несносный мальчишка спит.

– Ба, ты себя вообще хорошо чувствуешь? – забеспокоилась девочка.

– Конечно. Совсем скоро я тебе всё покажу и со всеми познакомлю. Ты точно не желаешь съесть второе? Твоё любимое овощное рагу.

– Нет, спасибо.

– Так вот, моя дорогая, разумеется, мне не хочется отправлять тебя к отцу и его семье, но иного выхода я не вижу.

В обиду ты никому себя не дашь, тут ты в меня пошла, так что я спокойна, а год пролетит незаметно. Да и полезно будет твоему папочке узнать, что у него есть взрослая дочь!

– А далеко ехать? – Мире всё ещё не верилось в сказанное бабушкой.

– Здесь рядом, – отмахнулась Моды. – Видишь ли, солнышко, Земля устроена не так просто, как кажется. Она гораздо сложнее и интереснее, здесь множество потаенных дверей, ведущих в удивительные миры. Самое трудное – отыскать такую дверь, а быть она может где угодно: в морском утесе – излюбленном месте русалочьих посиделок, в лесной чащобе с южной стороны мшистого валуна, в пшеничном поле, где особо густо растут васильки. А бывает и так, что дверь находится в твоём собственном доме, но ты о ней даже не подозреваешь, потому что заклеена она тремя слоями обоев. Но стоит постучать по стенам, и дверь непременно отзовется. В нашем доме есть такая дверь – вход в другой мир.

– Да? – глаза Мира распахнулись и стали похожи на два лесных озерца, в обрамлении пушистых золотистых ресниц. – Нет, кроме шуток?

– Кроме шуток, – улыбнулась бабушка. – Для начала идем, познакомлю тебя с Ромом. Его я на всякий случай отправлю вместе с тобой. Если будет грустно – развеселит, а если весело...

– Опечалит?

– Поддержит веселье. Идем, дорогая.

Они вышли из столовой.

– Ба, а он какой?

– Увидишь.

На кухне царил аквамаринный полумрак. Окна от полуденного солнца прикрывали шторы цвета глубокой морской воды. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь них, приобретали такой же глубоководный оттенок.

– Ром, – позвала Моды. – Ром!

– Иду, – послышался заспанный голос.

Мира ойкнула и спряталась за бабушку.

– Не бойся, милая, он не страшный, просто безобразник невоспитанный и всегда преувеличивает. Ром! Ты заставляешь нас ждать!

Прямо в воздухе посреди кухни возник растрепанный юноша и завис в полуметре от стола.

– Ай! – взвизгнула Мира. – Бабуль, у нас тут привидение!

– Ром не привидение, он житель другого мира, откуда пришла и я, и твоя мама, и ты сама. Семья Рома уже не первое поколение служит нам...

– Ба, у нас что, есть собственные рабы?! – в ужасе прошептала Мира.

– Я бы сказала, помощники по хозяйству.

– А где его семья?

– Видишь ли, Ром и вся его многочисленная семья – народ флоинов. Испокон веков они преданно слу... помогают нам

– народу неолитов.

– Они что ли призраки? Ну, в смысле мертвые?

Ром плавно покачивался над столом, с любопытством поглядывая на Миру.

– Нет, это такой народ. Отслужив положенный срок верой и правдой, флоин обретает физическое тело и может начинать свою жизнь, но большинство по старой памяти все равно селятся рядом с бывшими хозяевами и живут добрыми соседями.

– С ума можно сойти! У нас все это время жило самое настоящее приведение, булочки мне пекло, суп варило...

– Я тебе еще пеленки менял и молоко грел до температуры тридцать шесть и шесть градусов, – изрек Ром.

– Как так? – растерялась Мира. – Бабуль, как он мог менять мне пеленки, если ему от силы лет двадцать?

– Флоины взрослеют гораздо медленнее нас.

– Ой, сколько сразу всего, – вздохнула Мира. – Голова кругом. Неужто, бабуль, нельзя было как-то постепенно?

– Вообще-то я надеялась, что сон не придет, подождёт ещё годик, ты бы повзрослела. Но нет, чувствую, мой сон уже на пороге. Итак, с Ромом я тебя познакомила, идём теперь в гостиную.

– Я свободен? – осведомился Ром.

– Да.

Вечерело, солнечные квадраты на полу вытянулись и стали оранжевыми.

– Бабуль, – Мира присела за стол любопытными глазами глядя на бабушку, – покажи мне эту дверь прямо сейчас!

– На сегодня достаточно, – улыбнулась Моди. – Завтра ты сможешь не только увидеть её, но и отправиться в гости к своему отцу.

Глава вторая. Солнечный камень

В незашторенное окно комнаты Миры лился голубоватый лунный свет. Лежа в кровати, она наблюдала за его течением. Свет казался снежным. Подняв руку, девочка осторожно коснулась пальцами луча.

– Не спится? – из темноты материализовался Ром.

Он подлетел к лучу, улегся на него, словно в гамак, и тут же соскользнул вниз. Мира рассмеялась.

– Тебе не больно?

– Нет, – Ром взлетел почти к самому потолку, – это я специально, чтоб тебя развеселить.

– Ром.

– Что? – Он примостился на высокую спинку кровати.

– Ты моих родителей видел?

– Угу.

– И... какие они?

– Ну-у-у...

– Кажется, я слышу чьи-то голоса! – Дверь внезапно распахнулась, на пороге стояла Моды. – Это что тут за полуночные разговоры? Немедленно спать! Ром!

– Уже исчез. – Юноша растворился без следа.

– Мира, – голос бабушки сделался тише и мягче, – завтра, возможно, настанет один из самых главных дней твоей

жизни. Ты попадешь в иной мир, начнешь познавать его и самую себя, познакомишься со всеми остальными членами своей семьи. Ты должна отдохнуть, набраться сил, как следует выспаться.

– Бабуль, ни в одном глазу сна нет, – вздохнула девочка. – Столько всего в голове крутится.

Моди вошла в комнату и присела на край кровати.

– Совсем не хочется спать? – Она погладила внучку по кудряшкам. – Закрой-ка глаза.

Девочка послушно смежила ресницы. Моди подняла руку и погрузила свои тонкие пальцы в голубоватый лунный луч. На ладони осталась невесомая, как с крыльев бабочки, серебристая пыльца.

– Спокойной ночи, – прошептала Моди и легонько дунула на ладонь. Пыльца слетела с её пальцев на лоб и веки Миры.

– Спокойной ночи, бабуль, – зевнула девочка. – Чувствуешь, как пахнет ночными фиалками?

Через минуту Миры уже крепко спала. Моди тихонько вышла из комнаты, бесшумно прикрыв за собою дверь.

Утро постучало в окно тонкими пальцами золотистых лучей. Миры потянулась, зевнула и открыла глаза. Пару минут она смотрела в потолок, размышляя, приснились ли вчерашние события или нет?

– Миры, – в комнату заглянула бабушка, – проснулась, милая?

– Да, бабуль, – она спрыгнула с кровати и одернула желтую

пижаму. – Отлично выпалась.

– Замечательно, делай зарядку – и завтракать.

Моди прошла в свою комнату. Сквозь задернутые сиренево-синие портьеры пробивалось лимонное солнце. Крошечные золотистые пылинки кружились в луче, падающем на большое зеркало в причудливой деревянной раме. Из резного платяного шкафа она извлекла платье нежно-сиреневого цвета, длинное, строгого покроя, но необыкновенно женственное. Переодевшись и прикрепив на грудь брошь в виде букетика фиалок, она убрала волосы в высокую аккуратную прическу и тяжело вздохнула.

– Ром.

– Я здесь, – возник молодой человек.

– Как я волнуюсь за мою девочку...

– За нашу! Я что ли с ней меньше возился? Маленькая пачкунья пеленок.

– Ты пойдешь с Мирой?

– А вас на кого оставляю?

– Этот год я как-нибудь проживу без спаржевого салата, – грустно улыбнулась Моди. – Я бываю иногда резка с тобой, ты извини меня.

– Да ну что вы! Я и сам не подарок. Порою самого себя охота за вредность наказать.

– Так ты пойдешь с Мирой?

– Конечно, пойду. Разве ж можно отправлять нашу принцессу одну в такое путешествие?

– Если её бабка Нинга изводить начнет, ты уж не давай девочку в обиду.

– Моды, уверен, наша крошка сама кого хочешь изведёт. Будьте спокойны.

– Если ты будешь рядом, я, конечно же, спокойна, – Моды вздохнула. – Кота не забывайте кормить, тоже ведь живое существо.

– А что, кот идет с нами?

–Куда ж его девать? Прогуляется немного, усатый бездельник. Что сегодня на завтрак?

– Мармеладные тартинки, кофейное печенье и какао.

Дождаясь бабушку, Мира сидела за столом, положив голову на солнечный квадрат, подрагивающий на кремовой скатерти. Тонкие лучики путались в её непослушных кудряшках и сверкали теплыми блестками. Закрыв глаза, девочка слушала размеренное тиканье часов, думая о том, что этот дом – самый замечательный на свете и лучше бабушки не существует людей... В воздухе разлился аромат какао и еще чего-то очень аппетитного. Бабушка поставила на стол поднос с завтраком.

– М-м-м-м! Какая вкуснятина! Бабуль, а ты себе ничего не положила...

– Не хочется, – Моды теребила брошку на груди.

– Ты сегодня такая красивая, – Мира уплетала маленькие тартинки с прозрачными кусочками мармелада посередке. – Такая торжественная.

– Да уж, – вздохнула бабушка, – как-никак провожаю тебя в далекое путешествие.

– Значит, мне все это не приснилось. Ура!

Моди рассеянно смотрела на ряды горшков с цветами.

– Хочу тебе немного рассказать о том мире, откуда мы родом... – начала она.

– Ба, мы инопланетяне?

– Нет.

– Слава богу, ты меня успокоила. Прости, что перебила.

– Так вот, местечко, куда ты отправишься, называется Зарабия. Она и похожа на привычный тебе мир, и очень отличается. Раньше Зарабия казалась мне сложной и опасной, поэтому я решила перебраться сюда с Амабель. Построили этот дом подальше от шумного мегаполиса... Ладно, не в этом суть. Лишь много позже я поняла, что бежала не от Зарабии, а от себя, своих проблем и просто-напросто желала доказать твоему отцу и его семье, что мы не только освоимся и обживемся в незнакомой среде, но и прекрасно воспитаем тебя. В чём-то я оказалась права, в чём-то ошиблась, но теперь уже поздно об этом сожалеть. По сути своей мы так и остались зарабийцами. Что ж, это неплохо. Но ощущение оторванности от родных мест всё же тяготит.

– Меня не тяготит, – Мира поставила на поднос пустую кружку.

– Это потому что ты ни разу не видела своей родины.

– Не факт, что я в неё влюблюсь с первого взгляда, – на-

морщила нос Мира. – Проведаю папашку, посмотрю, что почём – и быстренько обратно, к тебе.

– Да, чуть не забыла: в Зарабии другое время. Оно течет иначе, гораздо быстрее.

– Значит, мне не нужно будет торчать там целый год?

– Не нужно. И прошу тебя, постарайся говорить красиво и правильно. В Зарабии огромное внимание уделяют культуре речи. Ведь хоть чему-то я должна была тебя научить.

– Я постараюсь, – кивнула Мира, – но ничего не могу обещать.

– Мира...

– Ты же сама говорила: если не уверена, что сдержишь слово, лучше не давай его.

– Спасибо, хоть это ты усвоила, – вздохнула Моды.

Неслышно ступая мягкими лапами, в столовую вошёл кот. Помахивая пушистым хвостом, он огляделся, потянул воздух носом и прыгнул на свободный стол.

– Привет, Бантик, – Мира погладила крупную кошачью голову. – Скоро мы с тобой, пушистик, отправимся путешествовать.

Кот внимательно слушал. Моды с улыбкой смотрела то на него, то на внучку.

– А сейчас, милая, я передам тебе наше главное семейное сокровище.

– Сокровище? – Глаза Миры загорелись. – Какое? Драгоценное?

– Минутку.

Бабушка вышла из столовой, а девочка с трудом подняла со стула здоровенного толстого кота и усадила к себе на колени. Басовито мурлыча, он принялся устраиваться поудобнее.

Свернувшись калачиком, кот положил голову на руку Мира и довольно зажмурился.

Бабушка вернулась с большой синей шкатулкой, которую Мира про себя благоговейно именовала «ларцом». Это была бабушкина вещь, и трогать её строго-настрого запрещалось. Поставив шкатулку на стол, Моды подняла крышку и извлекла со дна цепочку с подвеской. Крупная прозрачная капля сверкала так, что девочка зажмурилась.

– Это солнечный камень, – бабушка с любовью смотрела на украшение. – Он переходит по женской линии нашего рода.

– Он волшебный? – Мира сощурилась от яркого света.

– В какой-то степени все камни можно назвать волшебными, но этот уж точно особенный.

Моды положила подвеску в центр стола.

– Когда-то давно, когда двери в различные миры ещё не были столь потаёнными, когда облака спускались вниз, чтобы поиграть с морскими волнами, а солнце было молодым и сентиментальным, произошла вот такая история. На берегу прозрачного лесного ручья жила прекрасная юная девушка. Она питалась ягодами, утоляла жажду росой.

Она знать не знала, что из лесной чащи на другом берегу днем и ночью наблюдают за нею влюбленные глаза юноши. Но он не смел показаться ей, потому что у красивого лицом юноши было тело птицы, большой неуклюжей птицы, не умеющей летать, с короткими крыльями и когтистыми лапами. Чтобы не испугать возлюбленную своим видом, он никогда не покидал своего убежища, дни и ночи напролет призывая Лесного Духа.

Однажды тот явился. Юноша поведал о своем желании, и Лесной Дух согласился исполнить его в обмен на пылающее любовью сердце юноши. Молодой человек попросил осыпать драгоценностями свою любимую, чтобы она никогда ни в чем не нуждалась и прожила долгую счастливую жизнь. Лесной Дух исполнил своё обещание.

Юноша с телом птицы умер, так и не узнав, что его прекрасная возлюбленная была слепой и губы её не могли вымолвить ни слова. Драгоценные камни, разбросанные по траве, она принимала за обычные гальки и бросала их в ручей, слушая мелодичный плеск воды. Она действительно прожила долгую жизнь, но вряд ли её можно было назвать счастливой: стыдясь своей слепоты и немоты, она прожила отшельницей, никого не любя и не зная, как любили её. Когда сердце девушки совсем высохло без любви, её побелевшие волосы слились с водами дикого лесного ручья, а тело окаменело среди потускневших драгоценных камней. Эту историю рассказали Солнцу птицы. Опечалилось светило,

жаль ему стало и юноши с телом птицы, и девушки с высохшим сердцем... И тогда Солнце расплакалось, расплакалось впервые в своей жизни.

Засверкали в высоких травах его чистые жаркие слезы, и это, – бабушка подняла цепочку с сияющей каплей, – одна из солнечных слёзинок.

– Какая грустная история, – Мира протянула руку к украшению. – Можно потрогать?

– Конечно, бери, милая.

Капля мягко легла на ладонь девочки. Она была такой теплой, будто внутри сверкающего камня и вправду скрывалась частица молодого сентиментального солнца.

Глава третья. Дверь в Зарабию

– Так, кажется, всё собрали, – Моды подняла доверху набитый пёстрый рюкзачок, проверяя, не слишком ли он тяжёл. – Где корзинка Банта?

– Бабуль, он эту корзинку не выносит. Может, я в неё вещи переложу, а Бантика понесу в рюкзаке?

– Ещё чего! Это специальная кошачья корзина, ему там должно быть удобно. Не забудь его расчёску, шлейку и ошейник с бубенцом.

– Я уже всё собрала.

– Не забыть бы ещё корзинку с провизией...

– Бабуль, ты не волнуйся, всё возьмем, ничего не забудем.

– Я тороплюсь, чтобы успеть отправить тебя, пока в Зарабии раннее утро, не палит солнце и воздух прохладен и свеж. Ром!

– Я здесь, – возник молодой человек. На этот раз он был не в обычном своём длинном балахоне, а в рубаше и штанах свободного покроя.

– Ты понесешь рюкзак и кота, а Мира – корзину с провизией, – распорядилась Моды.

– Я кота не понесу, – насупился Ром. – Кот меня не любит, он на меня фырчит всё время.

– Что делает? – приподняла одну бровь Моды.

– Фырчит. Вот так: фыр, фыр, ф-ф-ф-ы-р-р!

– Аксельбанта я понесу, он не тяжелый, – Мира одёрнула коротенькую джинсовую курточку.

– Кило шесть-семь, не меньше, – Ром подхватил рюкзачок и корзину с провиантом. – А сам он не может пойти? Вон какой здоровенный вымахал, пусть жирок порастрашет.

– Что ты! – Мира открыла крышку плетеной корзины. – Он же не собака, у него лапки мягкие, нежные.

– Всё, пора идти, – бабушка поправила брошь. Она волновалась и не могла этого скрыть. Мире же не терпелось увидеть дверь в другой мир.

Вслед за бабушкой Мира с Ромом и котом, протестующим в своей корзинке, прошли в комнату Моды.

– Это здесь? – шёпотом спросила Мира. – Прямо у тебя?

– Минуточку терпения.

Моди подошла к старинному зеркальному трюмо, открыла запертый на ключ самый маленький нижний ящик и выдвинула его.

– Ба, – немного расстроилась девочка, – это всего-навсего какая-то игра?

– Я же сказала, минуточку терпения.

Внутри ящичка что-то щёлкнуло, и зеркало вдруг начало светлеть, словно на него упал невидимый луч солнца. А затем... затем в нём отразилась дверь, деревянная дверь с коваными петлями.

– Ух, ты! – воскликнула Мира. – Это и впрямь дверь в

другой мир?

– Да, и она прямо за твоей спиной.

Мира обернулась. И вправду: на пустой стене, куда бабушка никогда не разрешала вешать никаких картин, в полуметре от пола, возникла самая настоящая деревянная дверь с коваными петлями и ручкой-кольцом. Моди потянула за ручку, и тяжёлая на вид дверь открылась легко и беззвучно.

– Идите за мной.

– Ром, тебе не страшно? – шепнула Мира.

– Мне? Нет. Если что, я мигом исчезну.

– А ты, как я погляжу, храбрец! — усмехнулась Мира.

– Ещё бы, – самодовольно согласился Ром.

Проходя к двери, Мира невольно оглядела бабушкину спальню и вдохнула лёгкий сладковато-пряный запах духов, витавший в воздухе. Этот запах был таким родным, знакомым с розового детства, что желание остаться дома, рядом с любимой бабулей почти пересилило желание увидеть неведомую страну. «Я ненадолго, – мысленно произнесла Мира, – повидаю папу, поругаюсь со всей его родней и вернусь. Если бабушка будет ещё спать, посижу рядом с ней, а Ром напечёт булочек и приготовит её любимый спаржевый салат».

Против всех ожидания, шагнули они не в новый мир, а в пустую белую комнату со слегка закруглёнными углами, что делало её отдаленно похожей на яйцо. В комнате оказалась ещё одна дверь, без кованых петель, без ручки, словно сделанная из простой пластмассы.

– Ну что же, милая, – не без волнения Модя положила руку на плечо внучки, – добро пожаловать на родину.

Миря затаила дыхание. Бабушка приоткрыла дверь, и в комнату ворвался птичий гомон, свежий ветер, пахнущий молодой листвой деревьев.

– Последний весенний месяц заканчивается, – вдохнув ароматный воздух, произнесла Модя. – В Зарабии почти лето.

– Скучаешь? – Миря заглянула в глаза бабушки.

– Немного, – Модя отвернулась, украдкой смахнув слезу с ресниц.

– Бабуль, мы скоро, – поставив на пол корзинку с возмущённым котом, Миря обняла бабушку за талию. – Скажи, когда там, – девочка кивнула на приоткрытую дверь, – пройдет год?

– В середине осени.

– Всего-то? Да мы мигом, одна нога там, другая уже здесь!

Погоди, а как же твои фиалки?

– Совсем о них забыли! – всплеснула руками Модя. – Миря, Ром, а ну давайте, скорее принесите сюда горшки!

Побросав вещи на пол, они поспешили обратно. А Модя, переведя дух, собралась с силами и распахнула дверь. На миг она задохнулась от такого знакомого и такого забытого ветра Зарабии. В нём смешивалось всё: и речная свежесть, и пряность цветущих роц, и сладковатый аромат весенней земли.

Миря с Ромом умудрились притащить сразу все горшки.

– Ставьте на землю, – Модя показала место.

Мира перешагнула порог белой комнаты и оказалась в За-
рабии. Поставив фиалки, девочка огляделась. Она не увиде-
ла ни дома, ни стен белой комнаты. Дверь находилась в ство-
ле гигантского дерева, чья крона уходила высоко в небо. На
все четыре стороны простирался лес с аккуратными, строй-
ными рядами деревьев.

– Мира, помоги-ка мне, – бабушка держала горшок с ли-
ловыми фиалками, рядом кружил Ром. – Видишь, у самого
дна маленькие скобы-замочки? Опусть их вниз.

Мира сделала, как велела бабушка, и у горшка отсоеди-
нилось дно. Эту операцию проделали со всеми остальными
горшками.

– Ром, принеси из кладовой маленькую лопатку, ту, что с
железной ручкой.

– Один момент.

Ром исчез.

– Ну, – голос Модя немного дрогнул от волнения, – как
тебе?

– Симпатично, – улыбнулась Мира. – А почему деревья
так странно растут – шеренгами?

– Это ветуловая роща. Ветуль – очень вкусный и полезный
фрукт. По форме и размеру, как маслина, а по вкусу – слива
мирабель. Уверена, это роща твоей семьи. Когда мы уходили,
твой отец и его мать, кстати, зовут ее Нинга, как раз со-
бирались заняться разведением ветула. Хорошо хоть это де-

рево не срубили, а то пришлось бы искать другие входы-выходы.

Явился Ром с лопаткой.

– Вот здесь, возле ствола, вскопай небольшую грядочку, – приказала Модя флоину.

Ром управился в два счета. Модя расставила цветочные горшки в рыхлую землю. Доньшки сложили рядом.

– Когда будете возвращаться, не забудьте забрать цветы. А сейчас идите прямо вдоль деревьев, – напутствовала она отправляющихся в путешествие.

– Конечно, бабуль, не беспокойся. Ром, хватай вещи, отправляемся на встречу с зарабийскими родственничками!

Расцеловав бабушку, Мира взяла корзинку с котом, Ром подхватил пёстрый рюкзачок, провизию, и, выйдя на тропинку меж стройных стволов, они пошагали вперёд.

Бабушка Модя смотрела им вслед, пока из вида не скрылись огненно-рыжие кудряшки, затем тихонько затворила дверь, и та исчезла, сделавшись невидимой на мшистом стволе великана.

Глава четвертая. Ветуловая роща

– А что, здесь очень мило, – Мира кивнула на безупречные ряды деревьев с аккуратными ярко-зелёными кронами и узкими листьями, похожими на ивовые. – Если эта роща принадлежит моему папаше, то он настоящий плантатор. Слушай, Ром, – обратилась она к флоину, – а ты можешь взлететь повыше и посмотреть, что там за деревьями и далеко ли нам идти?

– Не могу, – буркнул Ром.

– Бунт на корабле? – усмехнулась Мира.

– Я... я... высоты боюсь. – Флоин смущенно отвернулся.

От удивления Мира остановилась, приоткрыв рот. Аксельбант недовольно фыркнул.

– Ты? Боишься? Высоты? Как привидение может...

– Я не привидение! Не привидение я! Сколько можно повторять! – возмутился Ром.

– Ну извини, я не знаю, как ещё можно назвать призрачное, летающее, трусливое существо!

– Я флоин, – терпеливо ответил Ром. – У людей ведь как: сначала живешь в теле, потом отбросил тапки и летаешь себе, как балда. Куда? Зачем? Ничего не ясно. А у нас, флоинов, всё по уму. Сначала летаем, познаём жизнь, а уж потом обретаем тело и живём себе не тужим.

– А когда вы, как ты выразился, отбрасываете тапки, что с вами происходит? Опять летаете, как мухи?

– Не знаю, – проворчал Ром, – говорят, во что-то превращаемся.

– Наверное, во что-нибудь ужа-а-а-асное! – скорчила рожицу Мира.

Зелень ветуловых крон прошивали тонкие солнечные лучи цвета спелого абрикоса, воздух был чист и свеж. То и дело, треща прозрачными зелеными крылышками, пролетали насекомые, похожие на причудливых стрекоз. Тропинки меж стволов, выстроенных в ряд, были чистыми, без единой травинки, будто их только что кто-то тщательно подмёл веником. Не касаясь босыми ступнями земли, Ром старательно «шёл» рядом с Мирой, поглядывая на кота в рюкзаке.

– Интересные они всё-таки звери, – вдруг сказал он.

– Кто? – не поняла Мира.

– Кошки. Себе на уме.

– Они очень интересные, – кивнула Мира. – Подружиться с кошкой здорово.

– Не со всякой, – возразил Ром, – они разными бывают.

– Совсем как люди, – девочка отмахнулась от очередной любопытной обладательницы прозрачных крылышек.

– Человек, – продолжил свою мысль Ром, довольный тем, что завязался разговор и Мира больше не сердится на него, – может скрыть свою настоящую суть, а у кота всё на морде написано: славный он парень или с ним придется хлебнуть

неприятностей. Вот Аксельбант — славный парень, хотя и себе на уме. Он тебя любит, а всех остальных терпит. А бывает, смотришь на какого-нибудь хвостатого-усатого, а у него черти в глазах так и скачут, будто он говорит: «Погоди, я тебе ещё устрою разноцветную жизнь! Попрощайся со своими цветами, занавесками, обоями, мебелью... в общем, со всем в доме попрощайся, потому что имел глупость завести такого очаровательного милашку вроде меня!»

Мира рассмеялась.

– Бабуля пришла в ужас, когда я принесла маленького Бантика, особенно, когда узнала, сколько денег я на него потратила. Но ведь такой красивый, породистый кот не может стоить дёшево, он же аристократ. А потом бабуля познакомилась с ним получше и поняла, что он славный парень.

– А что у Банта за порода?

– Гималайский.

– Странная у него расцветка.

– Ага, по цвету как сиамский, а пушистый, как персидский.

– Симпатяга.

– Слушай, – прервала разговор Мира, – я устала. Если ты в самом деле боишься высоты, то поддержи кота, а я залезу на дерево и посмотрю, далеко ли нам ещё топать.

– Ладно, сам посмотрю, – тяжело вздохнул Ром. – Тебе не стоит лазить по деревьям.

Крепко зажмурившись, он медленно стал подниматься

вверх, пока не завис над верхушками деревьев.

– Выше! – крикнула Мира.

Зажмурившись ещё крепче, флоин приподнялся ещё на пару сантиметров.

– Давай выше.

Ещё пара сантиметров.

– Выше!!!

От громкого окрика Ром невольно взлетел метра на полтора.

– Глаза открой, горе ты мое! – засмеялась Мира.

Открыв глаза, Ром завёл низким басом:

– А-а-а-а!!! Снимите меня отсюда-а-а!

– Смотри по сторонам! Что ты видишь?

– Деревья... – флоин украдкой огляделся, неуверенно покачиваясь в воздухе, как молодой матрос на мачте корабля в сильный шторм.

– А что ещё? – от нетерпения Мира переступала с ноги на ногу.

– Ничего, только деревья.

– Везде? – удивилась девочка.

– Там, далеко впереди, что-то темнеет, не разберу, что именно. Можно мне спуститься? Я сейчас умру, обрету тело, упаду и разобьюсь, – заканючил Ром.

– Спускайся, – вздохнула Мира. – С такой серьёзной проблемой тебе необходима консультация хорошего психиатра.

Очувившись возле земли, флоин отдышался и успокоил-

ся.

Мира присела возле дерева и стала развязывать кроссовки.

– Неужели бабуля ошиблась и направила нас неизвестно куда? – недоумевала она.

– Моды очень давно не была в Зарабии.

Ром наблюдал, как девочка вытряхивает из кроссовок крошечные камешки.

– Здесь многое могло измениться, даже рощи этой, скорее всего, раньше не было.

– Меня одно волнует: где папин дом? До ночи тут гулять совсем не хочется. Я вообще не люблю в темноте бродить по незнакомым местам.

– Тогда идём скорее, должен же тут быть хотя бы домик лесника, у него и спросим.

Мира обулась, потуже зашнуровала кроссовки, и они отправились дальше. Иногда приходилось отгибать ветви с мелкими плодами, точь-в-точь как спелые маслины. Мира сорвала одну ягоду и понюхала.

– Ничем не пахнет, – пожалала плечами девочка.

Надкусив, она обнаружила внутри зеленоватую косточку, размерами чуть меньше самого плода, мякоти оказалось совсем мало, и толком распробовать вкус не получилось.

– М-да, – Мира выплюнула косточку, – пожалуй, лучше уж выращивать кофе. Представляешь, спросят меня ребята во дворе: кем твой папа работает? А я отвечу: он кофейный

плантатор! Круто, да?

Вдруг девочка остановилась и воскликнула:

– Ой, Ром, смотри, кто это?

Из-за дерева выглядывала остренькая мордочка с подвижным коричневым носом, короткими усишками и испуганными жёлтыми глазами.

– Это ветуловый хрок, – ответил Ром. – Он неопасный, ест листья, иногда кору грызет.

– Цыпа-цыпа, – пощёлкала пальцами Мира, подманивая хрока, чтобы рассмотреть зверька поближе. Тот не двигался, наблюдая за компанией из-за ствола дерева. От страха его и без того большие глаза стали размерами с блюда от игрушечного сервиза.

Аксельбант, увидев это странное существо, заорал дурным голосом то ли от испуга, то ли от переполнявшего его желания сразиться с неизвестным противником.

Ветуловый хрок тихонько пискнул и задал стрекоча.

– Ну зачем ты, Бантуша, напугал хрока? – девочка поправила лямки рюкзака. – Может, он с нами подружиться хотел.

На что кот ответил утробным рыком.

– Ладно тебе тигра изображать, Ром же сказал, что зверёк неопасный.

Они пошли дальше. Абрикосовое солнце вошло в зенит, а роца и не думала кончаться.

– Ух! – Мира вытерла пот со лба. – Как я устала!

– Да, миллион километров уже отмахали, – согласился

Ром. – Перекусить хочешь?

– Хочу, да и Банту не помешает подкрепиться.

Кот выгнул спину и прошёлся вдоль дорожки, потягивая лапы. Мира присела в тень под дерево, Ром постелил на земле матерчатую салфетку и принялся выгружать яства.

– А попить у нас есть что-нибудь?

– Да, компот в термосе.

Мира жадно припала к стаканчику с прохладным вишневым напитком.

– Ром, хочешь? – Мира протянула флюиду чистый стаканчик.

– Я не ем и не пью до обретения тела.

– Да? Вот здорово, мне бы так!

Поедая миндальную булочку, Мира следила, чтобы Аксельбант далеко не уходил.

– Ром, дай Бантику поесть и надень на него на всякий случай ошейник с бубенцом, не дай бог потеряется.

– Я его боюсь. Он на меня фырчит.

– Но он же тебя не съест! Даже укусить или поцарапать не сможет, ты ж бестелесный! Дай мне поесть спокойно!

Вздыхая и печалась, Ром достал из кошачьей корзины красный ошейник с бубенцом под золото. Пока он пытался поймать фыркающего кота, Мира доела вторую булочку, выпила компот и с новыми силами собралась в путь.

Ром умудрился-таки застегнуть ошейник на кошачьей шее, за что получил несколько увесистых ударов лапой. Од-

нако наказать бесплотного обидчика Аксельбанту не удалось, что возмутило его до крайности. Кот обиделся и решил удалиться. Звеня бубенцом, он кинулся напропалую сквозь ряды деревьев.

– Бант! – крикнула Мира и бросилась за питомцем. – Бантуша, стой!

Кот мчался, будто за ним гналась свора собак. Отмахиваясь от гибких тонких веток, девочка со всех ног бежала следом, пыталась догнать своего любимца.

Глава пятая. Фабрика ветулового пана

Неожиданно деревья расступились, и Мира вылетела к большой постройке под навесом.

Кот остановился. Он воинственно топорщил хвост и выгибал спину, готовый в случае необходимости отразить любую атаку.

Мира подхватила его на руки и перевела дух. Постройка представляла собой кое-как оструганные брёвна, на которых держалась крыша из толстых жёлтых стеблей, похожих на бамбук. Заинтересовавшись, Мира устроила Аксельбанта, словно пушистый воротник, на плечах и направилась к навесу.

– Мира, ты куда? – догнал девочку обременённый багажом Ром.

– Туда.

– Зачем?

– Затем!

– Вредина, – вздохнул флоин.

Заглянув под навес, Мира увидела плетёные корзины, доверху наполненные спелыми ветуловыми ягодами.

– Есть кто живой? – крикнула Мира, придерживая кота,

чтобы тот не свалился.

– Не нравится мне здесь, – забеспокоился Ром. – Пойдём лучше отсюда!

– Куда? Кругом эта роща бесконечная. Надо у кого-нибудь спросить дорогу, не до осени же тут плутать. Эй! Люди!

Переступив чёткую границу тени, путешественники зашли под навес и направились прямо, наугад. Впереди виднелась стена с длинными щелями меж брёвен, в углу которой на ржавых петлях болталась грубо сколоченная дверь.

– Как здесь прохладно, – остановилась Мира. – Давай немного посидим, отдохнём.

– Пойдём лучше отсюда, – повторил Ром. Флоин явно нервничал.

Мира отмахнулась от него и присела на низенькую деревянную скамеечку у одной из корзин.

Скрипнула дверь, под навес вошёл высокий бородатый мужчина с корзиной ягод.

Увидев Рома, он удивленно присвистнул и что-то сказал на незнакомом языке. Ром ответил на том же певучем наречии.

– О чём вы говорите? – недовольно произнесла Мира. – Когда двое разговаривают между собой на языке, которого не понимает третий, то это оскорбительно для него!

– Извини, – Ром бросил вещи на земляной пол, – это зарабийский язык. Бородач удивился, увидав здесь флоина.

– Кажется, ещё больше он удивился моему присутствию, –

вздохнула Мира, кивнув на дядю с корзиной. Тот с нескрываемым любопытством разглядывал девочку. – Сажи ему, кто мы такие и что нам надо.

– А ты сейчас сама сможешь сказать.

– Как? Я же не знаю языка.

– Знаешь, мы с Моды с тобой с самого младенчества разговаривали на зарабийском, а потом внушили, что ты якобы его забыла, чтобы не мешал тебе. А сейчас ты его без труда вспомнишь.

– Да ладно, – Мира недоверчиво смотрела на парящего в тенёчке Рома, – прямо-таки и вспомню...

– Да. Попробуй. Закрой глаза и загляни внутрь себя. Увидишь, как из сознания начнут всплывать зарабийские слова.

– Хорошо, – Мира устроилась поудобнее, поправляя пушистый хвост Аксельбанта, то и дело щекочущий её нос. – Только скажи этому дядьке, пусть поставит корзину, а то пуп развяжется.

Закрыв глаза, Мира постаралась отгородиться от всего и всех. Заглядывать внутрь себя она не особо любила. А чего там смотреть? Темным-темно, только изредка возникают мутные разноцветные не то пятна, не то кляксы. Сосредоточившись на голубовато-зеленоватых кругах, Мира ни на что не надеялась, опасаясь уснуть. Как вдруг перед её мысленным взором откуда-то из глубины сознания стали возникать песочно-жёлтые спирали причудливых букв. Спирали раскручивались, буквы складывались в слова, и бабушкин го-

лос проговаривал их вслух. Как зачарованная, девочка разглядывала необычные начертания и слушала мягкий певучий голос.

– Какой красивый язык, – прошептала она уже на зарабийском и даже не заметила этого.

– Вот видишь, – Ром тоже перешёл на зарабийский, – как всё просто.

– Да... – Мира открыла глаза, голова слегка кружилась. – Вот бы так все языки изучать, и никакой мороки с учебниками.

Она перевела взгляд на дядю, сидевшего на корточках рядом с корзиной.

– Здравствуйте. Как вас зовут, и где мы находимся?

– Зовут меня Гамаш. Я и мой сын работаем на ветуловой фабрике, на ней вы и находитесь, – гостеприимно улыбнулся незнакомец.

– А кому принадлежит фабрика и вся эта роща?

– Господину Велору и его матушке Нинге, пошли ей небеса лёгкой смерти, – ответил мужчина и со вздохом добавил: – И желательно поскорее.

– А почему вы так о моей бабусе отзываетесь? – усмехнулась девочка, поднимаясь со скамеечки и опуская кота с плеч на землю.

– В каком это смысле? – насторожился Гамаш.

– В прямом. Велор – мой отец, а матушка Нинга, соответственно, доводится мне бабкой.

Лицо бородача застыло в изумлении.

– Да не пугайтесь вы, – не выдержал Ром. – Она ещё ни разу своей родни не видала, мы как раз ищем их.

Гамаш перевёл дух и повнимательнее посмотрел на Миру.

– Ах, да! – хлопнул он себя ладонью по лбу. – То-то я смотрю, знакомый очень облик: на лицо вылитая Модя, а если бы ещё волосы подлиннее – точь-в-точь косы Амабель!

– Вы знали мою маму и бабушку? – обрадовалась Мира.

– Конечно, их красота на всю Зарабию славилась. Хотите посмотреть фабрику?

– А разве это ещё не всё?

– Нет, что вы! Здесь мы только храним собранные ягоды, а сама фабрика там, – он кивнул на дверь.

– Я хотела бы взглянуть.

Мира поискала в корзине с вещами шлейку с поводком и надела её на Аксельбанта. Кот не стал сопротивляться, девочке он позволял всё.

– Мы готовы.

– Зверь какой интересный, – заметил Гамаш, протягивая руку, чтобы погладить кота.

– Он не любит, когда к нему лезут незнакомые, – предупредила Мира.

– Понял. Прошу сюда, – Гамаш отворил дверь и пропустил всю компанию вперёд.

Сначала Мире показалось, что всё вокруг сделано из сахара, такой ослепительно белой была квадратная площадка и

полукруглые каменные трибуны в семь рядов. Посреди площадки стоял небольшой белоснежный домик.

– Туда даже наступать страшно, – сказала Мира, – вдруг испачкаем.

– Ничего, идёмте, я всё вам покажу.

В домике старательно трудился хитроумный агрегат, разделявающий плоды ветула.

Косточки отправлялись в один металлический чан, мякоть – в другой. За длинным столом у единственного окошка сидел молодой светловолосый парень в белом комбинезоне и осторожно протыкал косточку иглой. Из прокола в широкую чашу текла белая, как молоко, жидкость.

– Это мой сын Дим, – представил Гамаш молодого человека. – Дим, посмотри, кто к нам заглянул.

– Минуточку...

Дим сосредоточенно наблюдал за струйкой. Как только она стала иссыхать, он аккуратно сцедил последние капли и отложил косточку на поднос. После поднял голову и улыбнулся гостям. Его лицо было открытым и приятным.

– Дим занимается самой кропотливой работой, – Гамаш подошел к подносу и взял пустую косточку. – Там, внутри, кроме сладкого белого пана, есть ещё маленькое жёлтое семечко ужасающе горького вкуса. Если оно выскочит через прокол, весь пан пропал.

– И вы вот так, из каждой косточки... – изумилась Мира.

– Конечно, – с гордостью за своё дело ответил Дим, – по-

этому пан – самое ценное и дорогое лакомство в Зарабии.

– Да, – кивнул Гамаш, – мы выпускаем всевозможные виды сладостей: пан рассветный, дневной, закатный и с ветуловой прослойкой. Сейчас как раз подошло время ставить пан вечерний. Хотите посмотреть?

Никто не отказался. Одному Аксельбанту было всё равно. Он нашёл себе укромный уголок, свернулся калачиком и крепко уснул.

Готовое «молоко» Гамаш и Дим разлили в длинные плоские лохани с небольшими бортиками и понесли на улицу. Абрикосовое солнце сменило свой цвет на румяный оранжевый. Лохани установили на трибуны так, чтобы солнечные лучи равномерно освещали будущее лакомство.

– И всё? – удивилась Мира. – Так просто?

– А что ещё? Солнце придаёт пану особый вкус и выпекает его так, как ни одна печь не сможет. Он получается лёгким, воздушным и тает во рту.

– Здорово! А попробовать дадите?

– А как же! – улыбнулся Гамаш. – Но сейчас нам надо поторопиться, чтобы успеть поставить утреннюю порцию.

– Так у вас же ещё вся ночь впереди.

– Ночь слишком коротка. Вы погуляйте пока, если хотите, только далеко не уходите.

– Хорошо, а вы за нашим котом присматривайте.

Гамаш и Дим вернулись в белый дом, а Мира с Ромом отправились исследовать окрестности.

– Интересно, – девочка заглянула на трибуну с лоханями, – посуда ничем не прикрыта, а вдруг какие-нибудь мошки-блошки нападут? Насекомые любят сладкое.

– Для них пан смертельно ядовит, – объяснил Ром. – Они его как огня боятся.

– М-да, как тут всё непросто, – покачала головой Мира. – Слушай, давай не будем нигде ходить, я и без того устала. Лучше посидим на свободной трибуне.

– Возражений не имею, – согласился флоин.

Мира присела на нижнюю трибуну и подставила лицо солнечным лучам. Вскоре в воздухе начал разливаться чудесный тонкий аромат.

– Как вкусно пахнет, – полной грудью вдохнула Мира. – Что это?

– Пан поджаривается на солнышке, – улыбнулся Ром. – Иди, посмотри.

Мира встала и подошла к лохани. «Молоко» поднялось вровень с бортиками, загустело и стало походить на тягучую пену. Прямо на глазах пан приобретал едва заметный светло-жёлтый оттенок.

– Ну не чудеса ли! – воскликнула девочка.

– Обычное дело, – пожал плечами флоин. – Кстати, сейчас вечер наступит.

– Вечер? – забеспокоилась Мира. – Как же так? Я думала мы сегодня успеем к родне попасть.

– Нет, теперь только завтра.

– А где мы будем ночевать?!

– Не беспокойся, ночь пролетит очень быстро.

Глава шестая. Ночь, утро, день

– Смотри, Ром, солнце падает! – с ужасом воскликнула

Мира.

– Нет, оно заходит.

– Так быстро?

– Ага.

Из белого дома выскочили Гамаш и Дим. Они подхватили лохань и унесли её в дом.

Мгновенно опустились сумерки, словно некто невидимый задёрнул плотный серо-голубой тюль.

– В дом пойдёте или воздухом подышите? – выглянул из-за двери Гамаш.

– Воздухом подышим, – ответил Ром. – Мира никогда не видела зарабийских ночей.

Гамаш скрылся в доме. Спустя минуту в окне зажёгся свет и стало видно, как отец с сыном сидят за столом, занимаясь своей кропотливой работой.

– А что необычного в зарабийских ночах? – поинтересовалась девочка.

– Сейчас увидишь.

Дверь домика снова приоткрылась, и на пороге показался зевающий Аксельбант. Заметив хозяйку, он заторопился к ней, волоча за собой поводок шлейки. И тут раздался стран-

ный глубинный гул.

– Что это? – встревожилась Мира. Она схватила кота на руки. – Землетрясение?

– Это наступает ночь.

Ром примостился рядом с девочкой и поднял глаза вверх. Небесный свод потемнел, по нему расползлись серо-багровые полосы и понеслись чёрные облака, да так быстро, что у Миры закружилась голова. Гул нарастал, становясь всё громче и басовитее.

Перепуганный Аксельбант засунул голову под куртку девочки и сопел ей в подмышку, переживая странное и страшное природное явление. Постепенно бег облаков замедлился, и по небу разлилась густая сливовая синева. В этой глубочайшей синеве не виднелось ни единой звезды.

– Смотри, – шепнул Ром, – сейчас красиво будет.

В тёплом сине-сиреновом воздухе стали возникать крошечные огоньки, похожие на светящиеся тополиные пушинки.

– Ах, – только и могла произнести Мира, в восторге наблюдая за необыкновенным зрелищем.

Огоньки парили, кружились, не касаясь земли. Они путались в ветвях деревьев, из-за чего казалось, что кроны украшены светящимися гирляндами. Аксельбант тоже заинтересовался, чем там восторгается хозяйка, и высунул голову из-под куртки.

Увидав, что вокруг творится, кот едва ли не по-человече-

ски завопил: «Ма-ма!». Мира отстегнула поводок и отпустила своего питомца. Подпрыгивая, Бант затанцевал на задних лапах, пытаясь поймать светящиеся пушинки. Мира смеялась, глядя на него, и хлопала в ладоши.

Вдруг пушинки исчезли так же неожиданно, как и возникли. Аксельбант перестал прыгать и с разочарованным видом уселся рядом с хозяйкой. Сливовая синева посветлела, сделалась лазурной, и над землёй с отдалённым гудением помчались белоснежные облака с розоватыми краями. Из домика выбежал Гамаш, следом торопился Дим. Они несли новые порции пана. Едва работники установили лохани, как сквозь облачную карусель хлынули лучи ослепительно жёлтого солнца. Ветуловое «молоко» заволновалось, вспенилось и стало подниматься к бортикам.

– Это и вся ночь? – Мира не могла поверить в происходящее.

– Ага, – коротко бросил Гамаш, пристально наблюдал за поведением пана. Дим ушёл обратно в дом.

– А спать когда?

– На это другое время есть.

– Зимой, что ли? – не отставала девочка.

– Когда? – не понял Гамаш.

– В Зарабии три времени года, – пояснил Ром. – Зимы здесь вообще нет, после осени сразу наступает весна.

– Ловко, – покачала головой Мира. – Хорошо устроились.

– Вы кушать хотите? – спросил гостеприимный Гамаш.

– Не откажемся.

Мире, как потенциальной наследнице ветуловых плантаций, разрешили вдоволь отведать чудесного лакомства, нарезанного аккуратными прямоугольниками. На вкус сладости Зарабии оказались нежными, как утренний туман, сладкими, с лёгкой кислинкой и пахли то ли липой, то ли медовой акацией. Аксельбанту, как любимому питомцу дочери владельца ветуловых плантаций, налили полную чашку густого «молока». Он долго принюхивался, мочил в чашке усы, но в конце концов признал угощение достойным своей персоны.

Когда все были сыты и довольны, Дим принёс Мире чудное украшеньё: на суровой жёлтой нитке покачивались прозрачные бусины с маленькими оранжевыми шариками внутри.

– Какая прелесть! Из чего это сделано? – спросила девочка, принимая подарок.

– Всё те же ветуловые косточки, – ответил Гамаш. – Высыхая, они становятся прозрачными. Так же высыхает и твердеет горькое семечко, превращаясь в маленький шарик.

– Ну надо же! – Мира разглядывала бусы на свет. – Их ведь тоже можно продавать.

– А мы и продаем.

Девочка надела подарок на шею и спросила, как же всё-таки добраться до отчего дома? Отец и сын, размахивая руками, наперебой принялись объяснять. Мира даже и не пы-

талась уловить суть.

– Всё, я понял, – изрёк наконец паривший неподалёку Ром. – Теперь мы найдём дорогу. Спасибо за гостеприимство.

Мира с благодарностью посмотрела на него и принялась устраивать в рюкзаке кота.

Отойдя от фабрики в лёгкую тень деревьев, Мира спросила:

– Ром, ты и вправду вспомнил дорогу?

– Нет, конечно. Я там был тринадцать лет назад, у меня ж память не бетонная: раз увидел, на всю жизнь зацементировал. Просто понял из объяснений Гамаша и Дима, как добраться.

– Ну ты могучий! – Мира с уважением посмотрела на своего спутника.

– А то! – усмехнулся Ром.

Дальше Мира шла молча, наслаждаясь необычайно свежим ароматным утром.

Внезапно из-за дерева выглянул очередной ветуловый хрок и уставился на непрошенных гостей глазами-блюдцами.

– Хочу рассмотреть его получше, – сказала Мира, но тут в рюкзаке заворочался кот, и ситуация повторилась.

Под яростные вопли Аксельбанта, перепуганный зверёк бросился прочь, но со страху немного не рассчитал, стукнулся лбом о соседнее дерево и упал навзничь, раскинув тощие лапки.

– Бантуха, ну что ты взъелся на этих симпатяг? – Мира подошла к хроку поближе.

Размерами со среднюю собаку, с острой мордочкой, худощавым тельцем, покрытым тёмно-коричневой шерстью, ветуловый хрок выглядел очень мило. Однако кот всё равно орал и плевался.

– Странно Бант на него реагирует, да? Вроде бы совсем безобидная зверуха, – огорчённо сказала Мира.

– Смотри-ка! – кивнул Ром.

Оказалось, хрок быстро пришёл в себя, тихонечко поднялся и бросился бежать, спасая свою жизнь.

– Наверное, теперь всем расскажет на своем хрокском языке, какая с ним ужасная история приключилась, – улыбнулась Мира, и они отправились дальше.

Только теперь путешественники двигались не по прямой, а по диагонали, отклоняясь влево.

– Ром, ты точно знаешь, куда идти? – через некоторое время с беспокойством спросила Мира.

– Да, да, да, не беспокойся, у меня внутри прямо компас вмонтирован, – заверил девочку Ром. – Я очень хорошо ориентируюсь, у меня в голове словно суперкомпьютер работает, я всё замечательно помню!

Если до этого Мира полагалась на Рома, то после такого напыщенного ответа у неё зародилось подозрение, что флорин не знает дороги. Но так как сама не имела ни малейшего представления, куда двигаться, приходилось следовать за

своим непутёвым проводником.

Путешественники плутали до тех пор, пока солнце не стало абрикосового цвета.

Рассердившись и выбившись из сил, Мира остановилась и села прямо на тропинку в знак протеста. Аксельбант крепко спал: его мало интересовало, куда и зачем его несут.

– Да мы почти пришли, – не очень-то уверенно промямлил Ром. – Ещё пара шагов – и будем на месте.

– Ага! Разумеется! – с сарказмом произнесла Мира. – По этой роще можно год бродить. Походим, походим и отправимся обратно домой, если, конечно, разыщем то самое дерево с дверью!

– Всё будет в порядке, – Ром попытался придать своему голосу уверенности. – Как бы то ни было...

– В чём трагедии причина? – раздался чей-то приятный мелодичный голосок.

– Кто здесь? – Мира вскочила на ноги, озираясь по сторонам. – Кто это сказал?

Глава седьмая. Тирамиса Яра

Будто из воздуха на тропинке возникло диковинное существо необычного и вместе с тем прелестного вида. Во весь свой рост существо едва доходило Мире до колен. Его тело покрывала блестящая, длинная, как у шотландской овчарки, шерсть травянисто-зелёного цвета, лапки походили на миниатюрные ручки, ног не было видно под шерстью, а большие миндалевидные глаза сверкали, как изумруды. Чудо улыбнулось и произнесло мелодичным голосом:

– Это я сказала.

Тут некстати в рюкзаке заворочался Аксельбант, и Мира, предчувствуя катастрофу, поспешно произнесла:

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания на поведение моего кота. Он шумный, но безобидный.

Девочке очень хотелось познакомиться с говорящей диковиной. Диковина же взмахнула длинными ресницами и взглянула сверкающими глазами-изумрудами на оторопелую кошачью морду. Бант молчал. Выглядел он, как сувенир на распродаже, не хватало лишь таблички: «Кот столбнячный. Чучельник Харитонов-Задунайский. Цена договорная».

– Кто вы? – подлетел не менее озадаченный Ром.

– Я тирамиса, меня зовут Яра.

– Отчего раньше я никогда не видел вас в Зарабии?

– Я живу в мире Стеклоянной Лагуны.

– А где это?

Очарованный мелодичным голосом и изумрудами глаз незнакомки, Ром принялся кокетничать напропалую, позабыв обо всём и обо всех.

– Там, – неопределенно махнула лапкой тирамиса. – Я так испугалась, когда очутилась здесь.

– Расскажите, пожалуйста, – Мира присела в ажурную тень, отбрасываемую раскидистой древесной кроной. Аксельбант по-прежнему не подавал признаков жизни.

– У нашего народа есть один большой недостаток, – вздохнула Яра. – Мы крайне любопытны. Когда приоткрылись Сияющие врата между мирами, я выглянула посмотреть, что изменилось в Зарабии, ведь когда-то мы жили здесь. Но нам пришлось уйти и спрятаться дальше далекого – в другой мир.

– Почему? – Ром примостился рядом с Ярой.

– Во всём виноваты наши шубки. В такой шерсти осенью тепло, летом прохладно, она не намокает – капли стекают. Нас истребляли из-за ценного меха. Чтобы сохранить народ тирамис, наш вождь увёл всех нас в мир Стеклоянной Лагуны. А я из-за своего любопытства снова оказалась здесь. Лишь на мгновение переступила черту, выглянула, а врата возьми да и закройся.

– Так идём к воротам! – взлетел Ром. – Мы вас проводим!

– Что вы, – грустно улыбнулась Яра, – мир мгновенно изменился. Откуда же мне знать, где они теперь находятся?

– Как же быть?

– Искать другие.

– А почему ваш мир так интересно называется? Почему Лагуна стеклянная?

– Видите ли, у нас есть прекрасное лазурное море, но один из его заливов стеклянный.

– Это как? – удивилась Мира.

– Всё стеклянное: вода, волны, даже пена. Будто замерла вода по чьей-то прихотливой воле и остекленела. Как и почему – никто не знает, но очень необычное зрелище.

– Могу себе представить, – покачала головой Мира. – А нас вы почему не испугались?

– Ты же маленький человечек, а мы опасаемся только больших.

– Это вы правильно делаете. Знаете что, присоединяйтесь пока к нам, отыщем дом моего отца, поздороваемся, оставим вещи и пойдем, посмотрим, где там ваша Лагуна. Меня зовут Мира, это Ром, мой телохранитель.

– Очень приятно. Спасибо, – прекрасные глаза сверкнули благодарностью. – Простите, можно задать вопрос?

– Конечно, – Мира поднялась, отряхивая джинсы.

– Голова с усами за вашим плечом живая или декоративная?

– Недавно была живой. – Мира сняла рюкзак и вытряхнула Банта. – Иди, разомнись немного, декоративный. Это мой кот Аксельбант.

Аксельбант медленно, на полусогнутых лапах приблизился к Яре и принялся её обнюхивать со всех сторон с таким выражением морды, будто никак не мог поверить своим глазам. Пока длился процесс ознакомления, тирамиса не двигалась, лишь снисходительно улыбалась. Вскоре Бант осторожно потерся пушистой щекой о щеку Яры и громко, басовито замурлыкал. Гроза и ужас ветуловых хроков влюбился в зеленоглазую красавицу.

– Ну что, идём дальше? – сказала Мира.

Оказалось, под длинной зелёной шерстью Яры скрывались мягкие лапки, покрытые короткой шерсткой, точь-в-точь как кошачьи, если бы не длинные, чуть загнутые сверкающие когти.

– Я могу вас понести, – предложил Ром, не менее Аксельбанта очарованный новой знакомой.

– Спасибо, это излишне, я быстро передвигаюсь. Кстати, здесь неподалеку я видела большой дом. Уж не его ли вы ищите?

– Возможно, – обрадовалась Мира. – Вы не проводите? А то мы второй день уже бродим по этой замечательной, но порядком уже надоевшей роще.

Девочка засунула влюбленного Банта обратно в рюкзак.

– Тогда следуйте за мной, – тирамиса махнула лапкой и прыгнула. Этому прыжку позавидовал бы любой кенгуру-суперчемпион. Яра просто-напросто мгновенно скрылась из вида.

– Ну и куда следовать? – растерялся Ром. – Мира, ты видела, куда она улетела?

– Не успела заметить...

– Эй, ну где же вы? – послышался издалека звонкий голосок, и среди деревьев мелькнул зелёный всполох.

– Идем! – обрадовался Ром, и они поспешили на зов.

В три прыжка тирамиса вывела своих новых знакомых из ветуловой рощи к низенькой декоративной ограде, отделяющей деревья и газон с аккуратно подстриженной травой от дома. Газон украшали фигурно подрезанные кустарники и низкорослые цветущие деревца, вымощенная малиновыми плитами дорожка вела к трехэтажному особняку такого вида и цвета, что Мира замерла у оградки и ошеломленно прошептала:

– Ёлки-палки, мой отец – граф Дракула!

– Нет, – поспешил успокоить её Ром, – твоя бабка Нинга – Дракула, а отец очень даже ничего.

– Спасибо, ты меня утешил.

– А вот теперь я не против куда-нибудь спрятаться, – сказала Яра, – раз уж мы оказались здесь...

Кот всячески зазывал свою любовь в рюкзак, но для двоих там было слишком мало места. Тогда Ром предложил просторную кошачью корзину. Из вещей Миры сложили уютное гнездо, и Яра юркнула внутрь.

– Не тяжело? – шепнула она, сверкая глазами.

– Что вы, что вы! Вы легче пуха! Легче воздуха! – заверил

тирамису Ром.

Мира невольно нахмурилась. За какие-то полчаса всё так изменилось. Теперь она была не единственной представительницей прекрасного пола в команде. Серьезную конкуренцию ей составило – подумать только! – зеленое существо непонятного происхождения! Но Мира не могла не признаться самой себе, что тирамиса так мила и очаровательна, что было бы глупо отказаться от такой замечательной подружки.

Жаль, правда, что она не выглядела, как человек. А Ром мечтал видеть Яру флоинкой.

А Бант – кошкой, его не смутил бы даже необычный цвет шерсти подружки-мурлыки.

Глава восьмая. Зарабийская родня

Мира неторопливо шла по малиновой дорожке к дому, рассматривая песочного цвета колонны и высокие островерхие окна. Подумать только, её родственники проживали в самом настоящем замке! У входа она невольно замедлила шаг, сейчас ей предстояло познакомиться с собственным отцом, даже не подозревающим о её существовании.

Неожиданно входная дверь приоткрылась, и на крыльцо буквально выпал беспрерывно чихающий старикан в красно-синей форменной одежде, наводящей на мысль, что это ни кто иной, как дворецкий.

– А-а-апчи-и-и!

– Вам тоже здравствуйте, – сказала Мира. – Мы хотели бы...

– А-а-а-а... пчи! К кому вы пожалова-а-а-апчи!

Ром с сочувствием посмотрел на красные, слезящиеся глаза, распухший малиновый нос, к которому несчастный дворецкий то и дело прижимал платок, и пришел к выводу, что это жестокосердно заставлять работать такого пожилого и больного человека.

– Вообще-то я хотела бы повидать своего отца, – Мира задумалась, вспоминая имя, – господина Велюра.

– Велора, – поправил Ром. – Мы пришли к Велору.

– Доложу, – едва справляясь с очередным приступом чиха, дворецкий скрылся в доме, захлопнув дверь перед визитёрами.

– Ну вот еще! – Мира поднялась на крыльцо, распахнула дверь, и вся компания оказалась в просторном холле, уставленном вазами с искусственными растениями.

Прямо по курсу располагалась крытая ковром лестница, по ней спускалась высокая худая женщина в глухом длинном чёрном платье, оставляющем на виду лишь руки и голову с высоко поднятыми чёрными локонами, казавшимися искусственными. Она пыталась что-то выяснить у беспрерывно чихающего дворецкого.

– Кто пришел? Зачем пришел?

Дворецкий лишь мотал головой, зажимал нос платком и возводил красные глаза к потолку. И вдруг – о счастье! – он увидел предмет беспокойства и просто указал на стоявшую у дверей девочку. Рома видно не было.

– Ты кто такая? – женщина спустилась на несколько ступенек, и Мира рассмотрела её получше.

Лицо белое, до голубизны, и неподвижное, как маска, чуть раскосые тёмные глаза и тонкие, красные, будто нарисованные губы. На руках женщины были тончайшие перчатки телесного цвета. Мире сделалось слегка не по себе от вида этой затянутой во всё чёрное особы, но отступить было поздно. На неприветливое «ты кто такая», она попыталась ответить как можно дружелюбнее:

– Я дочка этого... самого... все время забываю это имя... Велора, вот! Я дочь Велора и Амабель.

Дама застыла на нижней ступеньке. Не хватало лишь таблички: «Остолбеневшая дама в маске. Чучельник Харитонов-Задунайский. Цена договорная». Грандиозную паузу портил чихающий дворецкий, медленно сползающий по лестнице куда-то вниз.

– Оливия! – неожиданно гаркнула дама так, что Мира невольно вздрогнула.

На крик явилась молоденькая, заранее испуганная девчушка.

– Когда закончат трясти ковры и выбивать мебель?! Этот аллергик меня с ума сведёт!

– Еще чуть-чуть осталось, госпожа Нинга, – пискнула девчушка.

– Скорее шевелитесь!

Оливия исчезла.

– Не может быть, чтобы вы являлись дочерью моего сына, – сказала Нинга, обращаясь к Мире. – Это исключено.

– Почему же? – Девочка поправила рюкзачок. Из-за её плеча выглянула любопытная кошачья морда.

– Когда Велор расстался со своей супругой, у неё не было и намека на то, что она ожидает потомство.

– Намёк был, только едва заметный, – нахмурилась Мира. – Потом намёк значительно увеличился.

– Если даже допустить такую вероятность, то как Ама-

бель, зная о ребенке, могла уйти из дома, от мужа...

– Видно, вы все её тут так достали, что она готова была уйти отсюда хоть с десятью ребёнками! – отрезала Мира.

– Нет, нет, вы не можете быть дочерью моего сына, – как заведённая повторяла дама, не слушая девочку. Откуда-то доносилось эхо чихания дворецкого-аллергика. Более ничто тишины не нарушало.

И тут на сцену вышел Ром. Увидев его, дама ненадолго потеряла самообладание. Она даже схватилась левой рукой за перила.

– Здравствуйте, – улыбнулся флоин. – Вы меня помните?

– Да, да... – медленно, будто во сне ответила Нинга, – помню... Значит, это правда: Амабель ждала ребенка...

– Моди пришлось отправить нас сюда, к ней пришел сон, больше некому позаботиться о девочке, – объяснил ситуацию Ром.

Нинга слушала его с таким видом, будто к ней вот-вот придёт смерть.

– Ну что ж, – выдавила она наконец, – поднимайтесь. Оливия проводит вас в гостевую комнату, разместитесь там, пока не решим, что с вами делать. Оливия!

Снова прибежала девчушка. Выслушав указание, она кивнула гостям.

– Скорее, скорее, идёте, – Оливия заспешила вверх по лестнице так, будто за нею вот-вот должны были погнаться солдаты вражеской армии.

Она привела Миру с Ромом в огромную комнату, напоминавшую заброшенный музей: мебель зачехлена, всё в пыли, дневной свет едва пробивался сквозь немытые оконные стекла.

– Этот свинарник кто-нибудь когда-нибудь убирает? – возмутилась Мира. – Такая пылица! У вас же дворецкий аллергик! Как не стыдно!

– Скоро ужин, – вместо ответа пискнула Оливия и бросилась к дверям.

– Чёрт знает что, – Мира сняла рюкзак и повесила его на спинку стула.

Аксельбант выглянул из рюкзака, повёл носом, чихнул и вылезать отказался. Ром поставил корзину с вещами и тирамисой на стол и огляделся.

– Мира, ты иди спокойно ужинай, а я тут приберусь.

– Ты? Один? Да тут впятером не справиться! – воскликнула девочка.

– Пустяки, я же флоин, для меня такая работа – сушая ерунда.

– Ну спасибо тебе, Ром. Я пошла. Да, возьму с собой Банта, его тоже надо покормить.

Вытащив сопротивляющегося кота, Мира надела на него шлейку и потащила за собой. Кот упирался и чихал не хуже дворецкого.

По пути в столовую Мира с любопытством рассматривала убранство дома. Подобное ей доводилось видеть только в

кино да в компьютерных игрушках. Она и предположить не могла, что самый настоящий замок с каменными лестницами, высоченными сводчатыми потолками, мозаичными окнами имеет к ней не самое последнее отношение.

Это походило на забавное приключение и даже начинало нравиться. В отличие от Аксельбанта чувствовала она себя в этом доме превосходно, кот же упрямылся, вредничал и по высоким каменным ступеням карабкаться отказывался. Пришлось взять фыркающего строптивца на руки.

– Столовая вон там, – как чёрт из табакерки выскочила Оливия откуда-то из-за угла. – Я провожу.

Мира перевела дух и отправилась за странной служанкой, которая поминутно оглядывалась, осматривалась, озиралась, будто ожидала неминуемого нападения.

Столовая оказалась громадным мрачным помещением. Окна были плотно задёрнуты тяжёлыми бордовыми шторами, будто хозяева опасались проникновения солнечного света в свой холодный каменный дом. Длинный деревянный стол с красно-жёлтой скатертью, за которым могло бы свободно разместиться с полсотни обедающих, стулья с высокими резными спинками, большой камин, которым, видимо, не пользовались лет сто, но когда всё-таки зажгли и потушили, забыли почистить... Иными словами, обстановка не способствовала поднятию настроения и порождала далеко не весёлые размышления.

– Мрачновато тут, – произнёс мелодичный голосок.

Мира опустила взгляд.

– Яра, ты что тут делаешь?! Сейчас здесь народ соберётся! – в тревоге воскликнула девочка.

А Бант обрадовался появлению зеленоглазки! Кот всячески принялся демонстрировать свою радость при виде тирамисы: он обнимал её мягкими лапами, тёрся усатой мордой, громко мурлыча, и кружил вокруг неё в неуклюжем танце.

– Очень уж любопытно взглянуть, – Яра погладила Аксельбанта, почесала его за ухом. – А когда придут остальные?

Из коридора донеслись шаги.

– Прямо сейчас!

– Поняла, исчезаю.

Мгновение – и Яры нет. От неожиданности, что предмет его страсти так быстро пропал неизвестно куда, Бант плюхнулся на мягкое место и в недоумении посмотрел на хозяйку.

– Всё, нету, – прошептала она, разводя руками. – Потом будет, а сейчас нету.

Взяв поводок, Мира встала напротив двери, сердце её взволнованно колотилось, ведь сейчас она увидит отца...

Дверь распахнулась, и на пороге возникла Нинга с двумя какими-то дядьками в одинаковых светло-бежевых костюмах. Один был рыжий, другой – лысый. У обоих были землисто-бледные лица с тонкими, почти прозрачными носами, водянистые глаза навыкате и крупные, будто лошадиные, верхние зубы, выступающие из-под бесцветной губы. Переводя взгляд с одного лица на другое, Мира с тихим ужа-

сом пыталась определить, кто же из этих уродов-близнецов её отец.

– Знакомьтесь, – сухо, как на официальном приёме, произнесла Нинга, выходя в центр зала, – это Мира, дочь Велора и Амабели. Мира, это твои двоюродные кузены Том и...

– Джерри, – беззвучно шевельнулись губы девушки, испытавшей невероятное облегчение, что это всего-навсего дальние родственники.

– ... Жофрен.

Том был лысым, Жофрен – соломенно-рыжим.

– Очень приятно, – соврала Мира с кривой улыбкой. – А где папа?

– Он задерживается, – Нинга чинно уселась во главе стола, – хотя это не в его манере опаздывать к ужину.

Близнецы уселись напротив Миры, бесцеремонно разглядывая её в упор. Аксельбант от греха подальше затаился под столом у ног девочки и лишнего внимания к себе не привлекал. В зал вошёл тощий, как щепка, человек с подносом посуды. Пока он сервировал стол, полная женщина с поросычьим лицом вкатила тележку со множеством блюд под начищенными крышками. Перед Мирой поставили тарелки с такими тёмно-синими каёмками, что они казались чёрными, два бокала и положили столовые приборы: вилку, нож, ложку. Правда, у вилки было только два зубца, а в центре ложки – круглая дырка. Мира подумала, что ей подсунули негодные приборы, но у других были точно такие же. В центре стола

установили супницу. Женщина с поросячьим лицом умильно улыбнулась и подняла крышку. В воздухе разлился странный аромат.

– Мама, извини, что опоздал, – раздался голос. Мира обернулась.

В дверях стоял высокий светловолосый мужчина в тёмном костюме.

– О, у нас гости? – снимая перчатки, мужчина прошёл в столовую. Мира во все глаза смотрела на него.

– Да, – бесцветным голосом ответила Нинга, наблюдая, как прислуга раскладывает по тарелкам первое блюдо. – Познакомься, Велор, это твоя дочь Мира.

– В каком смысле моя дочь? – он положил руку на спинку стула Мира и посмотрел на девочку.

Лицо его оказалось довольно приятным, с правильными чертами и высоким лбом. Большие серые глаза с пушистыми ресницами смотрели внимательно, как бы оценивая собеседника.

– Оказывается, – Нинга накрутила на вилку какую-то серую лапшу, – уходя от тебя, Амабель унесла твоего ребёнка, вот эту девочку.

Нинга держалась холодно, с показным безразличием к ситуации. Том и Жофрен внимательно наблюдали за всем происходящим, шевеля ушами от напряжения.

– Вот как? – Велор оглядел Миру. – Сюрприз, однако. Мира поднялась из-за стола и, запутавшись в кошачьем

поводке, едва не упала.

– Осторожнее, – Велор подал ей руку. Ладонь отца была узкой, с длинными пальцами аристократа. – Значит, ты моя дочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.